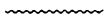

ПЕРВЕНЦЫ ЛИЦЕЯ И ЕГО ПРЕДАНИЯ.

Велико значеніе поэта, который проводит въ сознаніе народа жизнь его и изъ тайниковъ роднаго слова вызываетъ новый міръ идей, образовъ и звуковъ. Царскосельскій Лицей, давшій Россіи нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей на разныхъ поприщахъ, болѣе всего однакожь привлекаетъ вниманіе потомства потому, что въ немъ началъ свое развитіе величайшій русскій поэтъ. Лицей былъ назначенъ для приготовленія молодыхъ людей «къ важнымъ частямъ государственной службы», но насмѣшливая судьба устроила, что первымъ блестящимъ плодомъ его воспитанія былъ юноша, вовсе не годившійся для службы и однакоже болѣе всѣхъ прославившій это заведеніе. Еще прежде нежели произносились имена знаменитыхъ въ наше время питомцевъ первоначальнаго Лицея, Пушкинъ былъ извѣстенъ всей Россіи, какъ воспитанникъ перваго выпуска его. Въ позднѣйшее время нашлись люди, которые стали собирать подробности пребыванія въ немъ нашего поэта и его товарищей. И не мудрено: цѣлый отдѣлъ стихотвореній Пушкина, отдѣлъ, исполненный блеска и игривости молодой жизни, отмѣченъ именемъ Лицея; всякая черта, служащая къ разъясненію этого періода Пушкинской поэзіи, становится драгоценна.

Къ сожалѣнію, сами воспитанники Лицея и близкаго ему лицейскаго пансіона, сдѣлали немного для исторіи этихъ заве-

деній. Лицейскій пансіонъ возникъ очень скоро послѣ Лицея, имѣлъ съ нимъ отчасти то же начальство и тѣхъ же преподавателей, и потому исторія одного тѣсно связана съ исторіею другаго. Изъ воспитанниковъ ихъ только двое серьезно, хотя и различно, потрудились въ этомъ дѣлѣ, именно В. П. Гаевскій и безымянный авторъ (князь Н. Г—нъ?) книги: *Благородный пансіонъ Царскосельскаго Лицея (С.-Петербургу, 1869 года)*.

Г. Гаевскій напечаталъ въ *Современникъ* 1853 и 1854 годовъ три замѣчательныя и очень талантливо написанныя статьи о Дельвигѣ, въ которыхъ не могъ не коснуться также Пушкина и Лицея вообще, а потомъ, въ 1863 году, онъ помѣстилъ въ томъ же изданіи двѣ столь же интересныя статьи подъ заглавіемъ: *Пушкинъ въ Лицее и его лицейскія стихотворенія*. Въ названной книгѣ о царскосельскомъ пансіонѣ разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ весьма обстоятельно и съ большою любовью вся жизнь этого воспитательнаго заведенія въ связи отчасти съ исторіею Лицея. Сюда же слѣдуетъ отнести часть записокъ Пущина, одного изъ товарищей поэта, напечатанную въ московскомъ *Атенее* 1859 года. Во время приготовленій къ празднованію пятидесятилѣтія Лицея тогдашній бібліотекаръ его, И. Я. Селезневъ, занялся, по приглашенію юбилейной комиссіи, разработкою лицейскаго архива и издалъ сперва матеріалы для исторіи этого заведенія, а потомъ довольно подробный «очеркъ» ея, основываясь главнымъ образомъ на оффиціальныхъ источникахъ. Г. Селезневъ, хотя по мѣсту своего образованія чуждый Лицею, умѣлъ однакожь оживить точную передачу фактовъ теплымъ сочувствіемъ къ учрежденію и его воспитанникамъ, и, вообще говоря, выполнилъ свою задачу весьма удовлетворительно. Тогда же старинный лицейскій профессоръ, нынѣ покойный, И. П. Шулгинъ сообщилъ въ рѣчи, произнесенной на торжественномъ актѣ, рядъ своихъ собственныхъ воспоминаній. Наконецъ, къ числу занимавшихся Пушкинскимъ періодомъ Лицея надобно присоединить двухъ постороннихъ писателей, которые значительно подвинули разработку біографіи поэта,—гг. Бартенева и Анненкова. При исчисленіи книгъ и статей, касающихся

исторіи Лицея, нельзя умолчать также объ одномъ важномъ рукописномъ источникѣ, на который гг. Гаевскій и Анненковъ часто ссылаются. Это «замѣтки стараго лицеиста», набросанныя въ 1854 году барономъ (нынѣ графомъ) М. А. Корфомъ по прочтеніи статьи П. И. Бартенева о пребываніи Пушкина въ Лицеѣ (*Московскія Вѣдомости* того же года, №№ 117 — 119). Обязательность высокоуважаемаго автора «замѣтокъ» даетъ и мнѣ возможность пользоваться въ настоящемъ случаѣ этимъ драгоценнымъ матеріаломъ. Прибавлю, что въ моихъ рукахъ находятся сверхъ того остатки архива перваго курса Лицея, хранившіеся у покойнаго адмирала Матюшкина. Чувствуя упадокъ силъ, онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, въ 1872 году, передалъ ихъ въ наслѣдство мнѣ, какъ лицеисту, для котораго преданія стараго Лицея всегда были особенно дороги.

Изъ всего такимъ образомъ напечатаннаго и написаннаго о Лицеѣ можно теперь узнать гораздо болѣе, нежели сколько было извѣстно въ стѣнахъ самаго заведенія воспитывавшимся въ немъ молодымъ людямъ послѣдующихъ поколѣній. При всемъ томъ нельзя согласится съ П. В. Анненковымъ, чтобы мы имѣли уже, какъ онъ говоритъ, *полную* исторію Лицея. Много остается еще добавить, выяснить и провѣрить, тѣмъ болѣе что въ разсказахъ самихъ воспитанниковъ перваго выпуска встрѣчаются немаловажныя разнорѣчія: новое доказательство, какъ трудно добывать достовѣрныя историческія свѣдѣнія даже о близкой къ намъ эпохѣ.

Какъ о наставникахъ, такъ и о товарищахъ своихъ старинные лицеисты въ нѣкоторыхъ случаяхъ отзываются различно, каждый по своимъ впечатлѣніямъ. Въ примѣръ достаточно привести несходныя сужденія Пушкина и графа Корфа о Куницынѣ, или взгляды на самого поэта, высказанныя съ одной стороны тѣмъ же графомъ Модестомъ Андреевичемъ, съ другой Пуцинымъ. Разногласія обнаруживаются даже въ фактическихъ показаніяхъ. Такъ послѣднее изъ названныхъ лицъ обстоятельно говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на императора Александра Павловича, при выпускѣ перваго курса, процальною пѣсню Дельвига, а изъ другихъ свидѣ-

тельство оказывается что государь совѣмъ не присутствовалъ при ея пѣніи.

Обратившись къ этому предмету по поводу скопившихся у меня лицейскихъ бумагъ, я однакожь никакъ не берусь во всѣхъ частныхъ случаяхъ рѣшить, на чьей сторонѣ правда; не имѣю также въ виду существенно дополнить исторію Лицея. Мое намѣреніе только собрать нѣсколько о немъ воспоминаній, чтобы показать и хорошія и дурныя стороны этого заведенія и тѣмъ способствовать къ правильному пониманію значенія его въ исторіи русскаго образованія. Притомъ же я вполне сочувствую замѣчанію г. Анненкова, что въ виду близкаго сооруженія памятника Пушкину, «на совѣсти каждаго, имѣющаго возможность пояснить нѣкоторыя черты его нравственной фізіономіи, лежитъ обязанность сказать свое сильное слово, какъ бы маловажно оно ни было». На исторію перваго періода существованія Лицея съ характеристикою лицъ, къ нему принадлежавшихъ, надобно смотрѣть какъ на одинъ изъ матеріаловъ для другаго, рисующагося въ будущемъ всенароднаго памятника Пушкину—историко-критическаго изданія его сочиненій.

Имена Лицея и Пушкина неразрывно связаны между собою въ культурной исторіи Россіи, и трудно сказать, кто кому болѣе обязанъ: Пушкинъ Лицею, или Лицей Пушкину.

Вся обстановка новаго училища была необыкновенно благоприятна для развитія поэтическаго таланта. Царское Село соединяло въ себѣ двойное обаяніе свѣжихъ историческихъ воспоминаній и живописныхъ красотъ мѣстности, хотя и созданныхъ болѣе чудесами искусства, чѣмъ природой. Съ одной стороны сады и рощи, очаровательно-тихое уединеніе, величавые памятники военной славы и посреди всего этого невидимый, но всюду присущій, исполинскій и прекрасный образъ геніальной Екатерины. Понятно, какъ сильно это двойное обаяніе должно было дѣйствовать на воспримчивую душу одного изъ первенцевъ Лицея. Удивительно ли, что обѣ стороны такой обстановки ярко отразились въ творчествѣ молодаго поэта? Онѣ и впоследствии не утратили своего живительнаго вліянія на его фантазію. Лицейскія воспоминанія до конца

жизни съ неизмѣнною силою возвращаются въ его стихотвореніяхъ. Сущность его отношеній къ Лицею и Царскому Селу прекрасно выражена въ стихахъ, написанныхъ имъ при возвращеніи послѣ многихъ лѣтъ къ дорогимъ мѣстамъ:

Воспоминаньями смущенный,
 Исполненъ сладкою тоской,
 Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
 Вхожу съ поникшею главою!
 Такъ отрокъ Библіи, безумный расточитель,
 До капли истощивъ раскаянныя фіалы,
 Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
 Главою поникъ и зарыдалъ...

Среди суетныхъ увлеченій и въ тяжелыя минуты поэтъ обращался къ святынямъ своихъ воспоминаній:

И славныхъ лѣтъ передо мною
 Являлись вѣчные слѣды:
 Еще исполнены великою женою,
 Ея любимые сады
 Стоять населены чертогами, столпами.. и проч.

Пушкинъ не остался въ долгу у заведенія, въ которомъ видѣлъ колыбель своей славы. Значеніе поэта для позднѣйшаго Царскосельскаго Лицея заключалось не въ одномъ блескѣ его имени, которымъ это учрежденіе гордилось, не въ одной любви, съ какою онъ прославлялъ Лицей въ стихахъ своихъ: воспоминаніе о Пушкинѣ дало основной тонъ и цвѣтъ всей внутренней жизни Лицея. Конечно и послѣ него, какъ при немъ, строго-научное направленіе не пустило корня въ стѣнахъ этого разсадника министерствъ и гвардіи. Лицей по ученію оставался далекъ даже отъ того идеала высшаго учебнаго заведенія, который имѣли въ виду при его основаніи. Но преданіе о Пушкинѣ и его товарищахъ удержало Лицей на томъ пути, на который онъ твердо сталъ съ самаго начала. Имя Пушкина было для Лицея палладіумомъ и спасло его отъ духовнаго паденія въ ту нерадостную пору, когда желѣзная рука Аракчеева исторгла Лицей изъ-подъ вліянія князя Голицына и отдала его подъ военную опеку. Не смотря на измѣнившійся духъ управленія, чтеніе и авторство остались любимыми занятіями лицействова. Правда, что это мѣшало приоб-

рѣтенію основательныхъ школьныхъ познаній, но такая само-дѣятельность неоспоримо имѣла всетаки свою полезную сторону, изоцряя умственные способности, развивая и питая любознательность; изъ чтенія также почерпались свѣдѣнія, хотя и не систематическія; стремленіе же къ авторству заставляло юношей работать и прилагать знанія на практикѣ. А это также не маловажные элементы умственнаго воспитанія.

Впрочемъ и ученіе шло не дурно по тѣмъ предметамъ, которые были въ рукахъ способныхъ и дѣятельныхъ преподавателей. Но къ сожалѣнію, таковы были далеко не всѣ представители науки въ Лицеѣ, хотя онъ и считался первымъ изъ закрытыхъ учебныхъ заведеній въ Россіи. При качественной скудости педагогическихъ силъ, лицеисты охотно обращались къ такимъ самостоятельнымъ занятіямъ, которыя наиболѣе соотвѣтствовали духовнымъ потребностямъ ихъ возраста. Бывали конечно и примѣры прискорбныхъ увлеченій, когда бездарность тратила время на бесплодное рѣмоплетство, или когда чтеніе не шло далѣе романовъ, ничего не дававшихъ въ замѣнъ упущенныхъ уроковъ. Но это только частные случаи. При такомъ направленіи Царскосельскій Лицей никогда не доходилъ до той пустоты и суетности, до той любви къ праздности, къ наслажденіямъ и разгулу, которыя могутъ овладѣть закрытымъ заведеніемъ, когда оно лишится благотворной силы преданія и умственныхъ интересовъ, когда всякая духовная жизнь въ немъ подавлена преобладаніемъ грубыхъ страстей и цинизма. Такому печальному паденію Царскосельскаго Лицея всегда противодѣйствовало жившее въ немъ, благодаря хранительнымъ традиціямъ, уваженіе къ умственному превосходству, къ литературному таланту и труду.

Но какимъ образомъ, съ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ существованія Лицея, въ немъ пробудилась та замѣчательная само-дѣятельность, о которой единогласно говорятъ всѣ свидѣтельства? Вотъ вопросъ чрезвычайно любопытный и до сихъ поръ почти еще не затронутый. Предположеніе г. Анненкова, что воспитанники, скучая отъ бездѣлья, искали въ занятіяхъ спасенія отъ скуки, еще не разрѣшаетъ этого вопроса: отъ скуки охотнѣе прибѣгаютъ къ другимъ развлеченіямъ. Соби-

ратся для того, чтобы вмѣстѣ сочинить пѣсню или чтобы общими силами рассказать повѣсть, которую всякій продолжаетъ развивать по-своему съ того мѣста, гдѣ другой остановился, это значило любить умственные забавы, чувствовать потребность въ упражненіи ума и воображенія. Было ли это слѣдствіемъ присутствія одного необыкновеннаго таланта или соединенія нѣсколькихъ даровитыхъ юношей, или возбужденіе исходило извнѣ отъ кого-нибудь изъ наставниковъ? Талантливые воспитанники, страстно любившіе литературу, бывали въ Лицеѣ и послѣ, однакожь явленіе подобной авторской производительности въ такой степени никогда болѣе въ немъ не повторялось. Въ рукахъ г. Гаевского былъ самый ранній сборникъ перваго курса, подъ заглавіемъ *Вѣстникъ*; тамъ было упомянуто, что «Инспекторъ Лицея Мартынъ Ст. Пилецкій предложилъ учредить собраніе всѣхъ молодыхъ людей, которыхъ общество найдетъ довольно способными къ исполненію должности сочинителя, и чтобы всякій членъ сочинилъ что-нибудь въ продолженіе по крайней мѣрѣ двухъ недѣль, безъ чего его выключать». Трудно однакожь вывести отсюда заключеніе, чтобы главнымъ виновникомъ литературнаго движенія въ кругу первыхъ лицейскихъ былъ Пилецкій, человѣкъ съ весьма плохимъ образованіемъ и до того нелюбимый ими, что они наконецъ вступили съ нимъ въ открытую борьбу и принудили его удалиться. Но Пилецкій въ приведенномъ случаѣ могъ быть только исполнителемъ чужаго внушенія.

Были, кажется, два обстоятельства, которыми, кромѣ даровитости воспитанниковъ, объясняется ихъ оживленная литературная дѣятельность. Отецъ Пушкина былъ знакомъ съ извѣстнѣйшими московскими писателями; этимъ путемъ тамошній литературный міръ сдѣлался легко доступенъ для лицейскихъ поэтовъ, и съ 1814 г. ихъ опыты начинаютъ являться въ печати: понятно какъ перспектива такой чести должна была возбуждать молодые умы и перья. Другимъ важнымъ обстоятельствомъ было то, что семеро изъ товарищей Пушкина до поступленія въ Лицей были въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ: двое (Масловъ и Яковлевъ) были доставлены прямо оттуда, въ слѣдствіе распоряженія министра;

остальные пятеро (Вольховскій, Данзасъ, Ломоносовъ, Матюшкинъ и Ржевскій) прибыли въ Лицей частнымъ образомъ изъ родительскихъ домовъ. Извѣстно, что въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ было сильно развито литературное направленіе. Еще въ 1780-хъ годахъ труды его воспитанниковъ печатались въ сборникахъ, носившихъ разныя заглавія; а въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, когда въ этомъ заведеніи воспитывался Жуковскій, между пансіонерами образовалось даже литературное общество, или «собраніе» для чтенія и разбора ихъ сочиненій и переводовъ. Оно имѣло свой особенный уставъ. Основателемъ и первымъ предсѣдателемъ этого общества былъ Жуковскій. Ученическіе труды его и нѣкоторыхъ изъ его товарищей, напримѣръ Грамматина и Петина (прославленнаго Батюшковымъ), были впослѣдствіи изданы въ видѣ сборника, состоявшаго изъ нѣсколькихъ томовъ, подъ заглавіемъ *Утренняя заря* (М. 1800—1808).

Случайно ли было сходство между литературными собраніями Московскаго пансіона и Лицея? Тогдашній профессоръ русской словесности въ новомъ царскосельскомъ заведеніи, Кошанскій, былъ самъ питомецъ Московскаго университета и преподаватель при его пансіонѣ; онъ придавалъ особенную важность письменнымъ упражненіямъ и по его желанію книга *Утренняя заря*, при самомъ открытіи Лицея, была приобрѣтена какъ одно изъ пособій по русской каедрѣ. Наконецъ и первый директоръ Лицея, В. О. Малиновскій, также воспитывался нѣкогда въ Московскомъ университетѣ. Происходя изъ духовнаго сословія, онъ получилъ основательное образованіе, для котораго важными средствами служили ему съ молодости, подъ руководствомъ профессора Барсова, практическія упражненія прозой и стихами, такъ что самъ онъ рано привыкъ къ самодѣятельности. Онъ обладалъ замѣчательною способностью къ языкамъ и въ зрѣломъ возрастѣ постоянно продолжалъ распространять свои свѣдѣнія: читалъ, авторствовалъ и переводилъ.* Такимъ образомъ при основаніи Лицея

* См. *Памятную книжку Лицея 1856—1857 г.* и Н. Сущкова *Московскій университетскій благородный пансіонъ*, М. 1858.

мы видимъ и въ начальствѣ его, и на одной изъ главныхъ каеедръ, и между воспитанниками элементы, перенесенные изъ Московскаго университетскаго пансіона, и трудно не предположить нѣкоторой взаимной связи въ быту того и другаго заведенія. Все соединилось, чтобы въ новомъ разсадникѣ наукъ приготовить самую благодарную почву для занятій литературою. Удивительно ли, что первые плоды этого разсадника были взлелѣяны поэзіей, а не наукой?

Внутренняя жизнь перваго курса Лицея хорошо отражается въ письмахъ воспитанника Илличевскаго, писанныхъ во время самаго пребыванія его въ заведеніи и потому составляющихъ драгоценный источникъ для занимающаго насъ предмета. Все существенное изъ нихъ напечатано мною въ *Русскомъ Архивѣ* 1864 г.

Илличевскій, сынъ томскаго губернатора, попавъ въ Лицей изъ петербургской гимназіи (тогда единственной, нынѣ 2-й), переписывался съ оставшимся тамъ бывшимъ товарищемъ своимъ Фусомъ, впоследствии непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ. Въ литературѣ Илличевскій оставилъ послѣ себя только небольшой томикъ «Опытовъ въ антологическомъ родѣ», изданный въ 1827 г.; но находясь въ Лицеѣ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его литераторовъ. Онъ писалъ басни, эпиграммы, посланія, и кромѣ того отличался искусствомъ рисовать каррикатуры. При журналѣ *Лицейскій Мудрецъ* сохранились его акварельныя иллюстраціи, которыя и теперь не потеряли своего относительнаго достоинства. Илличевскій, уже въ первые мѣсяцы послѣ поступленія въ Лицей, сознавался, что много былъ обязанъ Пушкину. «Что касается до моихъ стихотворческихъ занятій», писалъ онъ 25 марта 1812 года, «я въ нихъ успѣлъ чрезвычайно, имѣя товарищемъ одного молодаго человѣка, который, живши между лучшими стихотворцами, приобрѣлъ много въ поэзіи знаній и вкуса; и читая мои прежніе стихи, вижу въ нихъ непростительныя ошибки». Замѣчательно, что уже такъ рано Пушкинъ заявилъ свое значеніе и вліяніе въ кругу товарищей. Не менѣе любопытно слѣдующее тотчасъ за этимъ свѣдѣніе: «Хотя у насъ, правду сказать, запрещено сочинять,

но мы съ нимъ (т. е. съ Пушкинымъ,—Илличевскій еще не называетъ его) пишемъ украдкою». Такое запрещеніе, какъ надобно полагать, было вызвано тѣмъ, что молодые новобранцы Лицея, увлекаясь примѣромъ своего даровитаго собрата, слишкомъ неумѣренно предавались своей страсти къ авторству во вредъ урокамъ. Безъ этого предположенія трудно допустить, чтобы такой просвѣщенный начальникъ какъ Малиновскій сталъ запрещать своимъ питомцамъ подобныя занятія. Да и Копанскій всегда считалъ умѣние писать самой существенной стороной литературнаго образованія. Впрочемъ запрещеніе было во всякомъ случаѣ непродолжительно; уже черезъ мѣсяць (26 апрѣля) Илличевскій писалъ: «Скажу тебѣ новость: намъ позволили теперь сочинять, и мы начали періоды». (Въ своей Общей Реторикѣ Копанскій считаетъ нужнымъ начинать сочиненія съ періодовъ, которые и называетъ «началами прозы»).

Рядомъ съ этимъ извѣстіемъ Илличевскій изображаетъ учебный бытъ новаго заведенія слѣдующимъ образомъ: «Учимся въ день только 7 часовъ, и то съ перемѣнами, которыя по часу продолжаются; на мѣстахъ никогда не сидимъ; кто хочетъ учиться, кто хочетъ гуляеть; уроки, сказать правду, не весьма велики; въ праздное время гуляемъ, а нынче-жъ начинается лѣто: снѣгъ высохъ, трава показывается, и мы съ утра до вечера въ саду, который лучше всѣхъ лѣтнихъ петербургскихъ». Чтобы понять эти слова, надобно вспомнить что тогда при Лицеѣ еще не было своего сада (который устроенъ былъ позже, по старанію Энгельгардта): воспитанники въ свободные часы ходили въ большой царскосельскій садъ и тамъ располагались особенно на такъ называемомъ *розовомъ полѣ*—вправо отъ мраморнаго мостика, гдѣ въ царствованіе Екатерины II дѣйствительно сажали розы, но при первомъ курсѣ Лицея ихъ уже не было; тамъ молодые люди гуляли, рѣзвились, играли въ лапту и пр.

То же положеніе учебной части въ Лицеѣ продолжалось и послѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ до перехода въ старшій курсъ * Илличевскій наивно пишетъ: «Ежели уроки мѣша-

* До преобразованія Лицея въ 1830-хъ годахъ, въ немъ было два курса или

ють тебѣ свободно вести со мною переписку, то и мнѣ не мѣше мѣшаетъ (только не уроки: il s'en faut de beaucoup!), а страсть къ стихамъ. Къ счастію, уроковъ у насъ немного и времени довольно; и такъ я со всѣмъ успѣваю раздѣливаться». Черезъ нѣсколько времени онъ повторяетъ прежнія свѣдѣнія о ходѣ лицейскихъ занятій, но прибавляетъ: „Ты самъ знаешь, что всѣ училища подъ одну стать: начало хорошо; чѣмъ же далѣе, то становится хуже. Благодаря Бога, у насъ по крайней мѣрѣ царствуетъ свобода (а свобода дѣло золотое)... Лѣтомъ досугъ проводимъ въ прогулкѣ, зимою въ чтеніи книгъ, иногда представляемъ театр; съ начальниками обходимся безъ страха, шутимъ съ ними, смѣемся“. Здѣсь приведу замѣчаніе, слышанное мною отъ Матюшкина. Послѣ смерти перваго директора Лицея, Малиновскаго, долго не было настоящаго начальства. Профессора, исправлявшіе эту должность, не умѣли пріобрѣсти авторитета. Притомъ воспитанники были какъ свои во многихъ царскосельскихъ домахъ и видѣли профессоровъ на равной съ собою ногѣ, и потому тѣ являлись передъ ними безъ всякой ореолы величія. Таковъ былъ напримѣръ домъ управлявшаго Царскимъ Селомъ графа Ожаровскаго, жившаго очень открыто; тамъ воспитанники часто встрѣчались съ Кошанскимъ, который былъ неравнодушенъ къ супругѣ хозяина. Впослѣдствіи онъ написалъ стихи на смерть графини, вызвавшіе пародію Дельвига: „На смерть кучера Агаѳона“, напечатанную въ *Библиографическихъ Запискахъ* 1859 года.

Употребляя мало времени на уроки, лицеисты за то много читали. Фусъ въ одномъ письмѣ спрашивалъ Иличевскаго, доходятъ ли до Лицея новыя книги. На это тотъ отвѣчаетъ размышленіемъ о пользѣ чтенія и прибавляетъ: «Мы стараемся имѣть всѣ журналы, и впрямъ получаемъ: *Пантеонъ*, *Вѣстникъ Европы*, *Русскій Вѣстникъ* и пр.» Далѣе онъ говоритъ, что они наслаждаются не только современны-

класса, *старшій* и *младшій*, изъ которыхъ въ каждомъ оставались по три года. Курсомъ называли также совокупность воспитанниковъ одного приема, и въ этомъ смыслѣ подъ 1-мъ курсомъ разумѣютъ лицейство, вышедшихъ въ 1817 году.

ми поэтами: Жуковскимъ, Батюшковымъ, Крыловымъ, Гнѣдичемъ, но заглядываютъ также въ сочиненія: Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитріева, а иногда бесѣдуютъ и съ иностранными пѣвцами: Расиномъ, Вольтеромъ, Делилемъ. «Не худо», заключаетъ онъ, «заимствуя отъ нихъ красоты неподражаемыя, переносить ихъ въ свои стихотворенія». Здѣсь Илличевскій слегка намѣчаетъ то, что такъ поэтически и прелестно развито въ *Городкѣ* Пушкина. Понятіе о пользѣ чтенія глубоко запало въ умы лицеистовъ. Еще въ 1822 году Пушкинъ писалъ изъ Кишинева брату: «Чтеніе—вотъ лучшее ученіе». * Но къ этому слѣдовало бы прибавить, что чтеніе должно производиться не такъ, какъ оно производилось въ Лицеѣ. О томъ, что въ немъ необходима система, что оно должно быть въ связи съ ученіемъ и имѣть какой-нибудь заранѣе опредѣленный господствующій характеръ, лицеисты не думали и никто имъ этого не объяснялъ. Впрочемъ конечно и разнообразное чтеніе безъ плана можетъ имѣть образовательное дѣйствіе. Это направленіе продолжалось въ Лицеѣ и послѣ: воспитанники читали русскіе журналы, читали поэтовъ, историческія сочиненія, книги по политической экономіи, путешествія, романы, драмы, и пріобрѣтали довольно обширное знакомство съ литературой главныхъ европейскихъ народовъ. Нехорошо только то, что многіе исподтишка читали во время лекцій даже хорошихъ профессоровъ, плохо готовили уроки и охладѣвали къ ученію.

Сообщенія Илличевскаго о необязательности ученія въ Лицеѣ его времени могутъ показаться иному читателю преувеличенными; легко при этомъ заподозрить молодаго человѣка въ нѣкоторой хвастливости передъ своимъ менѣе свободнымъ пріателемъ. Но есть другія свидѣтельства, которыя представляютъ учебную часть тогдашняго Лицея еще въ худшемъ видѣ. Достаточно припомнить повторяшіеся уже неоднократно рассказы объ урокахъ Галича, или мѣсто, приведенное г. Гаевскимъ изъ рукописи графа Корфа. На основаніи тѣхъ же данныхъ картина внутренней жизни первона-

* Библиогр. Записки 1858 г. № 1.

чальнаго Лицея вышла у г. Анненкова едва ли не слишкомъ уже мрачною. Еслибъ тамъ жилось дѣйствительно такъ плохо, то чѣмъ объяснялась бы та горячая привязанность къ мѣсту своего воспитанія, та признательная память о немъ, то крѣпкое товарищество, которыя, начиная уже съ перваго курса, составляли отличительную черту всѣхъ бывшихъ лицейстовъ. Къ тому же мы знаемъ, что съ самаго начала оттуда выходили хоть немногіе люди съ основательными познаніями; слѣдовательно Лицей всегда давалъ средства къ образованію, но не всѣ желали и умѣли ими пользоваться. Вся формальная и офиціальная часть при первомъ курсѣ шла очень плохо, но за то бойко работали внутреннія силы и пружины, приводимыя въ движеніе духомъ времени, исключительными обстоятельствами и присутствіемъ нѣсколькихъ недюжинныхъ личностей. Вотъ разгадка той странности, на которую указываетъ графъ Корфъ, говоря: «Нашъ курсъ, болѣе всѣхъ запущенный, вышелъ едва ли не лучше всѣхъ другихъ, по крайней мѣрѣ несравненно лучше всѣхъ современныхъ ему училищъ... Какъ это сдѣлалось, трудно дать ясный отчетъ: по крайней мѣрѣ ни наставникамъ нашимъ, ни надзирателямъ не можетъ быть приписана слава такого результата».

Изъ писемъ Илличевскаго мы видимъ далѣе, что посылать свои произведенія въ московскіе и петербургскіе журналы, даже еще во время пребыванія въ младшемъ курсѣ, было между лицейстами перваго выпуска дѣломъ обыкновеннымъ. Кроме сочиненій Пушкина, уже печатались также сочиненія Дельвига, Кюхельбекера, Пуцина и самого Илличевскаго. Послѣдній пытался даже поставить въ Петербургѣ на сцену свой переводъ какой-то оперы и затѣвалъ большія литературныя предпріятія, какъ на примѣръ изданіе *Новаго Плутарха для юношества* и составленіе біографіи знаменитаго математика Эйлера. По всему видно, что стремленіе создать что-нибудь крупное, капитальное, было общею чертою молодыхъ лицейскихъ авторовъ. Пушкинъ также, за полтора года до выпуска, затѣваетъ большое сочиненіе. 16-го января 1816 года Илличевскій сообщаетъ о немъ: «Онъ пишетъ теперь комедію въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, подъ названіемъ *Фило-*

софт. Планъ довольно удаченъ, и начало, то есть 1-е дѣйствіе, до сихъ поръ только написанное, обѣщаетъ нѣчто хорошее; стихи—и говорить нечего, а острыхъ словъ сколько хочешь!» Отъ этого только начатаго Пушкинымъ труда не осталось никакихъ слѣдовъ; конечно онъ, сознавая свой планъ неудачнымъ, скоро бросилъ работу, и принялся за поэму *Русланъ и Людмила*, первыя пѣсни которой были, какъ извѣстно, написаны еще въ Лицеѣ.

Журналъ *Лицейскій Мудрецъ* долго считали потеряннымъ вмѣстѣ съ бумагами, оставшимися послѣ умершаго въ Италіи Корсакова, къ которому относится мѣсто *19-го Октября*, начинающееся словами:

«Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ
Съ огнемъ въ очахъ съ гитарой сладкогласной».

Но г. Гаевскій въ 1863 году пользовался и этимъ журналомъ, по крайней мѣрѣ уцѣлѣвшею частью его, и вкратцѣ сообщилъ ея содержаніе. Теперь она, въ числѣ другихъ бумагъ, передана мнѣ покойнымъ Матюшкинымъ.

Сохранившійся *Лицейскій Мудрецъ* составляетъ небольшую тетрадь или книжку, въ формѣ продолговатаго альбома, въ красномъ сафьянномъ переплетѣ. На лицевой сторонѣ переплета, въ золотомъ вѣнкѣ, читается заглавіе и подъ нимъ означенъ годъ: «1815».

Въ январѣ этого года воспитанники перешли въ старшій курсъ, а возобновленный журналъ сталъ выходить осенью и продолжался еще въ началѣ 1816 года. Въ этотъ періодъ явилось четыре нумера, которые всѣ и содержатся въ описанной книжкѣ. Въ концѣ каждаго раскрашенные рисунки работы Илличевского, представляющіе то воспитанниковъ, то наставниковъ въ разныхъ сценахъ, отчасти описанныхъ въ статьяхъ журнала. Издателями, по словамъ Матюшкина, были: Данзасъ (будущій секунданта Пушкина) и Корсаковъ. Статьи по большей части писаны красивымъ почеркомъ перваго, почему въ началѣ книжки и означено: «Въ типографіи Данзаса». Изъ прибавленной къ этому шутки: «Печатать позволяется, Цензоръ Баронъ Дельвигъ», можно заключить, что этотъ товарищъ, всѣми уважаемый за свою основательность,

просматриваль статьи до переписки ихъ начисто. Почти вся проза принадлежитъ, кажется, самому Данзасу; по крайней мѣрѣ, во 2-мъ уже номерѣ онъ бранить своихъ читателей за то, что они ничего не даютъ въ журналъ, и грозитъ имъ, что если это будетъ продолжаться; «если, говоритъ онъ, ваши Карамзины не развернутся и не дадутъ мнѣ какихъ-нибудь смѣшныхъ разговоровъ: то я сдѣлаю вамъ такую штуку, отъ которой вы не скоро отдѣляетесь. Подумайте.—Онъ не будетъ издавать журнала.—Хуже.—Онъ натретъ ядомъ листочки *Лицейскаго Мудреца*.—Вы почти угадали: я подарю васъ усыпительною балладою г. Гезеля» (то есть Кюхельбекера). Послѣдній, то подъ приведеннымъ именемъ, то съ намекомъ на пристрастіе къ дерптскимъ студентамъ или на дурное произношеніе русскаго языка, служить постояннымъ предметомъ насмѣшекъ на страницахъ *Лицейскаго Мудреца*. Одна изъ статей любопытна какъ современное свидѣтельство о толкахъ, которые возбуждало недавнее паденіе властителя Европы. Она имѣетъ форму письма къ издателю, подъ заглавіемъ: «Занятія Наполеона Буонапарте на Нортумберландѣ». Авторъ воображаетъ, что онъ, плывя на одномъ кораблѣ съ эксъ-императоромъ, отдѣленъ только перегородкою отъ его каюты и видитъ сквозь шелку все, что онъ дѣлаетъ: «властелинъ Франціи, бичъ вселенной, родоначальникъ великой династіи Наполеонидовъ... поймалъ двѣ крысы, и бросивъ межъ ними кусокъ сахара, занимался тѣмъ, что эти твари ссорились и дрались за него съ остервененіемъ!.. Порадовавшись удали французской крысы, онъ ихъ опять запираетъ въ свой ящикъ, и гуляя по комнатѣ, говоритъ: «Oh, le maudit vieillard de Blücher! il m'a fait bien du mal.. Bien mal fait d'avoir quitté Elbe. J'avais tout ce que je voulais. Mon unique plaisir à présent composent ces deux rats, que je fais combattre; aujourd'hui c'est le Français qui a le dessus, j'en suis bien aise.. Бѣдный монархъ! тебя разбили, посадили на корабль и везутъ въ вѣчную тюрьму, а твое утѣшеніе въ двухъ крысахъ!»

Стоить также упомянуть объ одной мысли въ статьѣ «Аполлогія». Авторъ защищаетъ слѣдующимъ образомъ вызовъ въ

Россію иностранныхъ преподавателей: «Стоялъ я столбнякомъ въ лѣсу и думалъ, помнится мнѣ, о томъ, какъ бы выгнать всѣхъ профессоровъ чужестранцевъ изъ матушки Русской земли, а на мѣсто ихъ поставить въ университеты Самоѣдовъ и Чукчей. Ахъ, постойте, любезные чтецы, я перерву мой рассказъ коротенькимъ размышленіемъ. Какую пользу это принесетъ Россіи, а особенно намъ, школьникамъ? Теперъ въ классахъ говорятъ о правахъ естественныхъ, а преподають только теорію; а подъ профессорствомъ г. Чукчи мы, раздирая ногтями мясо кобылье, повторяли бы естественное право на самой лучшей практикѣ».

Стихотворная часть *Лицейскаго Мудреца* принадлежитъ, по преданію, Корсакову, Илличевскому и др. На пародію «Пѣвца» Жуковскаго и одну эпиграмму Илличевскаго уже указалъ г. Гаевскій въ одной изъ статей своихъ. Всего любопытнѣе переписанныя въ этомъ журналѣ *національныя пѣсни* (замѣчательное для того времени названіе) перваго курса, до сихъ поръ еще остающіяся не напечатанными въ цѣлости. Г. Анненковъ нашелъ отрывки изъ нихъ между автографами Пушкина и передалъ въ своихъ «Матеріалахъ» немногіе оттуда куплеты. Г. Гаевскій сообщилъ другіе отрывки. По свидѣтельству Пущина, знаменитый поэтъ принималъ участіе въ сочиненіи національныхъ пѣсень, которыя, какъ извѣстно, сочинялись съобща.

Въ слѣдующемъ куплетѣ:

„Но кто нѣмецкихъ бредней томъ
 Покроетъ вѣчной пылью?
 Пилецкій, пастыръ душъ съ крестомъ,
 Иконниковъ съ бутылью...

покойный Матюшкинъ признавалъ себя авторомъ послѣдняго стиха. О лицахъ, къ которымъ относится это мѣсто, было уже не разъ упоминаемо въ печати. Выраженіе *нѣмецкія бредни* намекаетъ на героя пѣсни Гауэншильда, профессора нѣмецкой литературы, который одно время исправлялъ должность директора. Какъ онъ, такъ и другіе два наставника, рядомъ съ нимъ названные, достаточно уже охарактеризированы, со словъ графа Корфа, гг. Гаевскимъ и Анненковымъ. О

Гауэншильдъ Илличевскій писалъ Фусу: «Попечитель вашъ Уваровъ нарочно призвалъ его изъ Вѣны въ Россію и доставилъ ему мѣсто въ Лицеѣ». Мы можемъ пояснить теперь, что этотъ вызовъ былъ не во благо русскому юношеству. Чуждый новому поприщу своей дѣятельности, этотъ австріецъ думалъ только о личной своей выгодѣ, и успѣвъ снискать довѣренность графа Разумовскаго, достигъ такого положенія, въ которомъ ничего не было легче какъ употребить её во зло. Ранняя смерть перваго директора, уже въ мартѣ 1814 года, была истиннымъ несчастіемъ для новаго заведенія, хотя можетъ-быть онъ и не вполне соотвѣтствовалъ своему назначенію. «В. Ѳ. Малиновскій, пишетъ графъ Корфъ, былъ человѣкъ добрый и съ образованіемъ, хотя нѣсколько семинарскимъ, но слишкомъ простодушный, безъ всякой людскости, слабый и вообще не созданный для управленія какою-нибудь частію, тѣмъ болѣе высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Значеніе свое онъ получилъ, кажется, отъ того, что былъ женатъ на дочери извѣстнаго протоіерея Андрея Аенанасьевича Самборскаго, сперва священника при церкви нашего посольства въ Лондонѣ, потомъ законоучителя и духовника великихъ князей Александра и Константина Павловичей и наконецъ духовника великой княгини Александры Павловны, по вступленіи ея въ бракъ съ эрцгерцогомъ палатиномъ Венгерскимъ. Есть впрочемъ вся вѣроятность думать, что и въ выборѣ Малиновскаго не обошлось безъ участія тогдашняго государственнаго секретаря (Сперанскаго), который издавна былъ очень близокъ къ Самборскимъ и въ ихъ домѣ впервые познакомился съ тою, которая послѣ сдѣлалась его женою, сиротою бѣднаго англійскаго пастора Стивенса».

Не смотря на нѣкоторые недостатки, Малиновскій былъ человѣкъ просвѣщенный и честный: потерявъ его черезъ два съ небольшимъ года послѣ своего основанія, Лицей вдругъ осиротѣлъ, и начались его невзгоды. Двухлѣтнее междуцарствіе, о которомъ долго жила память въ Лицеѣ, отозвалось на немъ весьма печальными послѣдствіями. Графъ Разумовскій, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, впалъ въ непростительную ошибку, не пріискавъ тотчасъ же способнаго

преемника Малиновскому; но онъ сдѣлалъ еще бѣольшую ошибку, когда, видя плоды анархіи, ввѣрилъ судьбу двухъ высшихъ заведеній своекорыстному иностранцу, не знавшему порядочно русскаго языка. Новообразованный лицейскій пансіонъ возникъ изъ частнаго приготовительнаго училища, устроеннаго первоначально на собственные средства этимъ находчивымъ пришлецомъ. Кандидатомъ на должность директора пансіона, преобразованнаго въ казенное заведеніе, явился было Кошанскій; но связи и привилегія иноземнаго происхожденія заставили предпочесть Гауэншильда, преподававшаго въ Лицеѣ нѣмецкую литературу по - французски. Результатомъ его пансіонскаго управленія былъ черезъ нѣсколько лѣтъ долгъ въ 10000 рублей.

По словамъ графа Корфа, «Гауэншильдъ, при довольно заносчивомъ нравѣ, былъ человѣкъ скрытный, хитрый, даже коварный. Доказательствомъ общей къ нему ненависти служила національная пѣсня, которая пѣвадась хоромъ на голосъ гремѣвшаго тогда по цѣлой Россіи «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», безъ всякаго секрета и только что не самому Гауэншильду въ лицо. Первые четыре стиха пѣлись *adagio* и *sotto voce*; потомъ темпъ ускорялся, а съ нимъ возвышались и голоса, которые наконецъ переходили въ совершенную бурю. Разумѣется, прибавляетъ нашъ источникъ, что тутъ имѣлись въ виду не поэтическія красоты и не прелести гармоніи, а только выраженіе общаго чувства».

Къ счастью, бразды лицейскаго правленія не долго были въ рукахъ Гауэншильда; въ началѣ 1816 года директоромъ Лицея назначенъ былъ Е. А. Энгельгардтъ. При разстройствѣ, до котораго дошли дѣла въ періодъ междуцарствія, при совершенномъ упадкѣ дисциплины, нужно было необыкновенное умѣніе, чтобы возстановить правильный ходъ жизни и порядокъ во всѣхъ ея отправленияхъ. Будучи лично извѣстенъ государю и пользуясь его довѣріемъ, бывшій директоръ Педагогическаго института находился конечно въ особенно-благоприятныхъ обстоятельствахъ для выполненія трудной задачи; но къ тому присоединялись и рѣдкія способности его къ административному и педагогическому дѣлу. Недавно напечатанная

записка его объ обязанностяхъ воспитателя* показываетъ какъ разумно онъ смотрѣлъ на предстоявшій ему трудъ въ послѣднемъ отношеніи. Дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, Энгельгардтъ успѣлъ вскорѣ снискать въ такой степени любовь и уваженіе воспитанниковъ, что имя его сдѣлалось навсегда дорого Лицею, и вокругъ этого имени впослѣдствіи сгруппировались всѣ самыя свѣтлыя воспоминанія лицеистовъ. Хотя бы въ дѣйствіяхъ Энгельгардта и было нѣкоторое суетное стремленіе къ эффекту, хотя бы въ нихъ и можно было указать на кое-какіе промахи и увлеченія, а иногда ошибки въ частныхъ отношеніяхъ къ тому или другому воспитаннику (напримѣръ къ Пушкину, котораго онъ не понималъ и который ему не сочувствовалъ), все же нельзя отказать «Егору Антоновичу» въ вѣрномъ пониманіи молодежи и средствъ вести её. Одинъ годъ управленія его при первомъ курсѣ заслонилъ собою прежнія замѣшательства, и для послѣдующихъ поколѣній лицеистовъ имя его знаменательно слилось со всею первою эпохою существованія Лицея.

Понятно, что для нихъ этотъ періодъ, озаренный и славою историческихъ событій, и блестящею извѣстностію нѣкоторыхъ изъ первенцевъ Лицея, являлся въ поэтическомъ свѣтѣ, и преданія о первомъ курсѣ переходили «изъ рода въ родъ» не безъ прикрасъ воображенія. Они приобрѣли еще болѣе прелести послѣ того какъ Лицей въ 1822 году былъ причисленъ къ военно-учебнымъ заведеніямъ.

Около 1830 года, когда я воспитывался въ Лицеѣ, преданія эти были еще довольно свѣжи, но какая разница въ духѣ времени и обстоятельствахъ! Правда, что и при тогдашнемъ директорѣ, генералѣ Гольтгоерѣ, бывшемъ начальникѣ дворянскаго корпуса, человѣкѣ добромъ и честномъ, управленіе Лицея, вообще говоря, было довольно мягкое, но все таки руководящимъ началомъ этого управленія былъ страхъ, а не любовь. Не видя въ представителяхъ администраціи Лицея высшаго образованія, мы не могли смотрѣть на нихъ съ полнымъ довѣріемъ: мы жалѣли о прошломъ и не совсѣмъ были довольны

* См. *Русскій Архивъ* 1872 года.

настоящимъ. Кое-что изъ прежнихъ порядковъ еще сохранялось: такъ у каждаго воспитанника была своя особая небольшая спальня, но намъ уже не позволялось днемъ заниматься въ этихъ комнаткахъ. По-старому выписывались еще для насъ газеты и журналы, которые прикрѣплялись къ нарочно устроенной для этого высокой конторкѣ, и мы могли брать изъ лицейской библіотеки книги по собственному выбору, но на нѣкоторыхъ авторовъ было наложено безусловное запрещеніе. Такъ какъ однакожь надзоръ былъ почти исключительно внѣшній, то намъ было очень легко обходить это запрещеніе: мы не только читали Вольтера, но и дѣлали изъ него выписки, означая ихъ какимъ-нибудь вымышленнымъ именемъ. Изданіе рукописныхъ литературныхъ журналовъ считалось также запрещеннымъ, но это не мѣшало намъ, подражая первому курсу, составлять тайкомъ подобные сборники, гдѣ иногда являлись сатирическіе стихи и статьи, напримѣръ рассказы о лицейскихъ событіяхъ языкомъ Нестора, въ духѣ и тонѣ древней лѣтописи. Послѣдній родъ авторства достигъ особеннаго развитія у нашихъ старшихъ, такъ что одинъ изъ воспитанниковъ этого курса мало по малу написалъ обширное повѣствованіе этого рода на столбцахъ, которые наконецъ однакожь попали въ руки тогдашняго инспектора, профессора Оболенскаго, и исчезли, кажется даже не безъ послѣдствій для автора при его выпускѣ. Надобно отдать справедливость тогдашнему начальству въ томъ, что внѣшняя сторона управленія была вполне удовлетворительна: насъ хорошо кормили, чисто одѣвали и вообще содержали какъ слѣдуетъ, но въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ многое бы могло быть гораздо лучше при большей способности и образованности начальства.

Въ каждомъ изъ двухъ курсовъ было въ наше время по 25 человекъ. Въ отношеніяхъ между тѣмъ и другимъ господствовалъ характеръ, благопріятный для воспитанія. Меньшіе съ большимъ уваженіемъ смотрѣли на старшихъ, имѣли высокое понятіе о ихъ учебной и нравственной жизни, которой вблизи не видѣли, потому что доступъ въ старшій курсъ былъ имъ закрытъ, и считая себя обязанными охранять честь

и преданія Лицея, старались быть достойными своихъ предшественниковъ. Оттого товарищескій бытъ этого заведенія былъ выше пансіонскаго и отличался благородствомъ отношеній.

При переходѣ изъ пансіона мы застали въ Лицеѣ еще трехъ профессоровъ и двухъ гувернеровъ, бывшихъ при немъ съ основанія. Это много значило при той непрочности, какою во всемъ ознаменовалось первое время существованія Царско-сельскаго Лицея. Въ самомъ дѣлѣ, въ шестилѣтіе перваго курса, однихъ директоровъ было три, не считая промелькнувшихъ въ этой должности профессоровъ, а сколько смѣнилось между тѣмъ гувернеровъ! Имъ не было счета, какъ видно изъ составленнаго г. Селезнѣвымъ списка. Такова уже была судьба Лицея: перемѣны съ самаго начала быстро слѣдовали одна за другою, какъ въ самомъ заведеніи, такъ и въ верховной надъ нимъ администраціи: уже при первомъ курсѣ смѣнилось два министра просвѣщенія, а потомъ, по переходѣ Лицея въ военное вѣдомство до нашего курса, т. е. въ теченіе какихъ нибудь 5—6 лѣтъ, онъ прошелъ черезъ руки четырехъ главныхъ начальниковъ: графа Коновницына, Гогеля, П. В. Кутузова и Демидова, назначеннаго уже при насъ. Послѣдовавшія позднѣе перемѣны извѣстны. Нельзя сказать, чтобъ Лицей началъ свое существованіе подъ счастливою звѣздою, развѣ такую считать звѣзду Пушкинской поэзіи.

Изъ старыхъ профессоровъ, дошедшихъ до насъ отъ перваго курса, поговорю только объ одномъ, потому что о немъ есть два совершенно противоположныя между собою свидѣтельства, и надобно наконецъ выяснить истину. Это Кошанскій. Въ русской журналистикѣ, съ 1830-хъ годовъ, насмѣшки надъ его риторикой составляли долго одно изъ тѣхъ общихъ мѣстъ нашей критики, которая въ ней всегда имѣются въ запасѣ, потому что ничего нѣтъ удобнѣе какъ при случаѣ щегольнуть готовымъ и по видимому неопровержимымъ приговоромъ. Между тѣмъ объ этомъ учебникѣ говорили большею частію только по наслышкѣ, не зная его и даже не имѣя точнаго понятія о его содержаніи. Обыкновенно воображали, что риторика Кошанскаго занимается только тропами и фигурами. На самомъ же дѣлѣ эти такъ называемыя украшенія

рѣчи составляютъ только небольшую часть его Общей реторики, разсматривающей источники, виды и общія правила прозаическихъ сочиненій; другой его курсъ, Частная реторика, есть то, что нынче проходитъ подъ именемъ теоріи словесности и трактуетъ подробно о каждомъ отдѣльномъ родѣ и видѣ прозы. Нѣтъ спору, что съ нынѣшней точки зрѣнія въ каждой изъ этихъ книжекъ можно отыскать много несовременнаго и пожалуй страннаго; но при этомъ не должно терять изъ виду, во первыхъ, что обѣ онѣ имѣютъ одно рѣдкое для того времени достоинство,—историческую основу, знакомятъ въ правильной системѣ съ исторіею древнихъ и новыхъ литературъ, въ особенности русской, и во вторыхъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ только нить или канву, по которой дальнѣйшее развитіе и оживленіе предмета предоставляется знанію и искусству хорошаго преподавателя. Такимъ можно было по справедливости назвать самого Кошанскаго. При первомъ курсѣ онъ не успѣлъ заявить себя, можетъ быть въ слѣдствіе своей продолжительной болѣзни, а также и оттого, что по разнымъ обстоятельствамъ пришелъ въ столкновеніе съ нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ. Такъ должно заключать по отзывамъ графа Корфа, по извѣстному посланію Пушкина *Къ моему Аристарху* и по упомянутой выше пародіи Дельвига. Но въ послѣдующее время Кошанскій приобрѣлъ совсѣмъ другое значеніе. Начать съ того, что учебники его еще не были изданы, и слово *реторика* даже не произносилось на его лекціяхъ, хотя въ нихъ и входило многое изъ того, что впоследствии явилось въ названныхъ книжкахъ. Преподавая латинскій языкъ и русскую литературу, онъ занималъ насъ почти только практически и умѣлъ въ высшей степени возбудить наше вниманіе, разшевелить нашу самодѣятельность. Этого достигъ онъ можетъ-быть именно потому, что былъ наученъ опытомъ и собственными своими ошибками. Прежніе его труды, изданные еще въ Москвѣ, по греко-римской археологіи и латинскому языку, далѣе особенное сочувствіе, какое ему оказывалъ знаменитый кураторъ М. Н. Муравьевъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что Кошанскій былъ вполне подготовленъ къ своей каедрѣ въ Лицеѣ.

Желая ознакомить насъ не съ одною латинскою словесностію, но со всѣмъ классическимъ міромъ, онъ рассказывалъ намъ содержаніе гомеровыхъ поэмъ, объяснялъ мифологию и бытъ дрернихъ народовъ, читалъ Иліаду въ тѣхъ отрывкахъ изъ перевода Гнѣдича, которые были уже напечатаны. Мы заслушивались его рассказовъ и чтеній. Русскихъ поэтовъ читалъ онъ съ нами въ собраніи *Образцовыхъ сочиненій* и останавливался особенно на Жуковскомъ, сопровождая чтеніе умнымъ, оживленнымъ комментариемъ. Читать съ воспитанниками Пушкина еще не было принято и въ Лицеѣ; его мы читали сами, иногда во время классовъ, урядкою. Тѣмъ не менѣе однакожь Кошанскій разъ привезъ намъ на лекцію только что полученную отъ Пушкина изъ деревни рукопись *19 Октября 1825 года* («Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ») и прочелъ намъ это стихотвореніе съ особеннымъ чувствомъ, прибавляя къ каждой строфѣ свои поясненія. Только тамъ, гдѣ рѣчь шла о заблужденіяхъ поэта, онъ довольствовался многозначительной мимикой, которая вообще входила въ его приемы. Особенно при стихахъ:

„Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ“,

онъ далъ намъ почувствовать, что и Пушкинъ не во всемъ заслуживаетъ подражанія. Легко понять, какое впечатлѣніе произвелъ на насъ профессоръ этимъ чтеніемъ. Послѣ урока мы принялись переписывать драгоцѣнные стихи о родномъ Лицеѣ и тотчасъ выучили ихъ наизусть.

Другую сторону вліянія на насъ Кошанскаго составляли собственныя наши упражненія, къ которымъ онъ насъ постоянно побуждалъ, то задавая не мудренныя, но умно выбранныя темы, то предоставляя намъ самимъ придумывать ихъ, требуя изобрѣтательности въ сюжетѣ и изящества въ изложеніи. По временамъ онъ поощрялъ насъ пробовать свои силы въ стихотворствѣ, и потомъ читалъ наши опыты въ слухъ передъ всѣмъ классомъ. Правило, которому онъ слѣдовалъ при ихъ обсужденіи, самимъ имъ выражено въ его

учебникѣ; попытки учащихся, по его словамъ, «не должны охлаждаться порицаніемъ, но согрѣваться участіемъ друга-наставника, который всегда говоритъ *прежде* что хорошо и почему; а *послѣ* показываетъ, что должно быть иначе и *какимъ образомъ*». Мы полюбили Кошанскаго, съ нетерпѣніемъ ожидали его лекцій и довѣрчиво показывали ему свои, даже и внѣклассные, поэтическіе грѣхи. Также точно относились къ нему и наши старшіе, между которыми двое, подъ его руководствомъ, въ замѣчательной степени успѣли развить свой талантъ: это были князь А. В. Мещерскій и особенно Деларю (оба уже умершіе). Пушкинъ, при насъ посѣтившій Лицей, читалъ ихъ стихотворенія и ободрилъ молодыхъ поэтовъ, посовѣтовавъ однакожь первому изъ нихъ не писать французскихъ стиховъ.

Въ доказательство, что не на насъ однихъ и не случайно Кошанскій такъ дѣйствовалъ, приведу отзывъ воспитанника лицейскаго пансіона, напечатанный въ исторіи этого заведенія: «И Георгіевскій и Троицкій и преподаватели въ низшихъ классахъ», замѣчаетъ авторъ, «преподавали, вообще говоря, очейъ хорошо; но всѣхъ ихъ превосходилъ *Кошанскій*, бывшій въ свое время въ Лицеѣ и пансіонѣ едва ли не тѣмъ же, чѣмъ профессоръ *Мерзляковъ* былъ въ свое же время въ Московскомъ университетѣ. Съ многостороннею классическою образованностію и большою опытностію въ преподаваніи, онъ соединялъ необыкновенно тонкій и изящный вкусъ восторженное поэтическое настроеніе и особенный даръ передавать то и другое своимъ слушателямъ. Лекціи его вполне можно было назвать эстетическими, исполненными занимательности и вкуса. Онъ старался поддерживать и развивать въ слушателяхъ своихъ установившуюся еще со временъ Пушкина и Дельвига любовь къ литературнымъ упражненіямъ, прозаическимъ и стихотворнымъ, и обращалъ особенное вниманіе и заботливость на тѣхъ воспитанниковъ, которые обнаруживали способности и склонность къ нимъ. Вся его внѣшность, необыкновенно мягкая и изящная въ формахъ, вполне соответствовала его внутреннимъ достоинствамъ, и все вмѣстѣ внушало къ нему искреннюю любовь и уваженіе воспитанниковъ.

Будучи старшимъ изъ профессоровъ Лицея и пансіона, со времени ихъ открытія, онъ былъ однако еще въ зрѣлыхъ лѣтахъ (въ 1811 году ему было 29 лѣтъ). Два раза онъ былъ назначаемъ исправляющимъ должность директора Лицея, а въ 1828 г. по собственной просьбѣ былъ уволенъ отъ должности профессора въ Лицеѣ и пансіонѣ, и умеръ въ 1831 году въ должности директора Института слѣпыхъ въ С.-Петербурѣ». *

Въ такомъ же духѣ отзывается о Кошанскомъ, въ подробномъ извѣстіи о его жизни, г. Селезневъ, основывавшійся въ этомъ случаѣ на показанія бывшихъ лицействъ. Изложивъ содержаніе курса Кошанскаго, онъ замѣчаетъ: «Вообще говоря, лекціи его походили на бесѣды. На нихъ профессоръ не скупился на объясненія, сравненія и примѣры, заимствуя ихъ изъ ближайшей среды общественной. Изустное изложеніе это перешло впослѣдствіи въ печать, въ его Реторику. Тамъ сохранились слѣды заботливости профессора сдѣлать предметъ занимательнымъ. ** Въ частныхъ примѣчаніяхъ книги разсѣяно множество сужденій, которыя на каедрѣ развиваемы были имъ въ полныя лекціи. Занимательности бесѣдъ много содѣйствовала начитанность профессора. Не станемъ обвинять Кошанскаго въ томъ, въ чемъ онъ не виноватъ. Курсъ его отсталъ отъ современнаго преподаванія, учебники его перестали быть руководствами, но для этого нужно было пережить болѣе четверти столѣтія и притомъ XIX.» ***

У насъ Кошанскій собственно не проходилъ никакого систематическаго курса, вѣроятно потому, что уже собирався повинуть Лицей: скоро онъ, заболѣвъ, пересталъ къ намъ ѣз-

* *Благородный пансіонъ Царскосельскаго Лицея* (СПБ. 1869), стр. 183.

** Такъ на стр. 57 Частной Реторики разсказанъ случай изъ жизни императора Александра I: «Государь, прогуливаясь въ Царскомъ Селѣ вокругъ большаго пруда, замѣтилъ, что лебеди играютъ, плещутся въ водѣ и хотягь летѣтъ, но не могутъ. Онъ позвалъ садовника и спросилъ: «Что это значитъ, Дяминъ? Лебеди летать не могутъ?»—Государь! отвѣчалъ садовникъ: у нихъ обрѣзано по одному крылу, чтобъ не разлетѣлись...—Этого не дѣлать, сказалъ Александръ: когда имъ хорошо, они сами здѣсь жить будутъ; а дурно — пусть летягь, куда хотягь!»—Послѣ сего большая часть лебедей разлетѣлась въ Павловскъ, въ Гатчину и на взморьѣ; но къ осени дѣйствительно почти всѣ возвратились».

*** *Памятная книжка Лицея* на 1856—1857 г., С.-Петербургъ, стр. 155.

дять, и мы перешли подъ руководство бывшаго его адъюнкта П. Е. Георгіевскаго, человѣка почтеннаго, весьма исправнаго, но къ сожалѣнію не даровитаго и менѣе ученаго. Тутъ-то мы поняли, что значить личность профессора, и перестали заниматься латынью и уроками русской литературы съ прежнимъ увлеченіемъ. О Кошанскомъ мы горько сожалѣли, и у всѣхъ насъ осталось благодарное о немъ воспоминаніе.

Я могъ бы поговорить здѣсь о нѣкоторыхъ умершихъ лицествахъ перваго курса, но чтобы не утомлять вниманія читателей, перейду прямо къ Пушкину.

Во время моего пребыванія въ Лицеѣ поэтъ два раза посѣтилъ его: въ первый разъ въ 1829 г.; тогда я былъ еще въ младшемъ курсѣ и не видѣлъ его, такъ какъ онъ ходилъ только къ старшимъ; второе его посѣщеніе было въ 1831 г., когда онъ, женившись, проводилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ. Никогда не забуду восторга, съ какимъ мы его приняли. Какъ всегда водилось, когда пріѣзжалъ кто-нибудь изъ нашихъ «дѣдовъ», мы его окружили всѣмъ курсомъ и гурьбой провожали по всему Лицею. Обращеніе его съ нами было совершенно простое, какъ съ старыми знакомыми; на каждый вопросъ онъ отвѣчалъ привѣтливо, съ участіемъ спрашивалъ о нашемъ бытѣ, показывалъ намъ свою бывшую комнатку и передавалъ подробности о памятныхъ ему мѣстахъ. Послѣ мы не разъ встрѣчали его гуляющимъ въ царскосельскомъ саду, то съ женою, то съ Жуковскимъ, котораго мы видѣли у себя около того же времени. Онъ присутствовалъ у насъ на экзаменѣ изъ исторіи. Вскорѣ послѣ того были напечатаны вмѣстѣ, въ одной брошюрѣ въ четвертку, три стихотворенія: одно Жуковскаго — «Старая пѣсня на новый ладъ», (на побѣды Паскевича), и двѣ пьесы Пушкина — «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская Годовщина». Жуковскій доставилъ въ Лицей нѣсколько экземпляровъ этой брошюры.

Всѣмъ извѣстно, что при переходѣ воспитанниковъ перваго выпуска изъ меньшаго курса въ старшій, на послѣднемъ экзаменѣ въ январѣ 1815 г. присутствовалъ Державинъ и что Пушкинъ прочелъ тогда приготовленное къ этому случаю стихотвореніе свое: *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*. Въ те-

традяхъ знаменитаго Екатерининскаго лирика, между разными переплетенными вмѣстѣ брошюрами, сохранилось и это стихотвореніе, писанное рукою Пушкина и съ полною его подписью. Вѣроятно, это тотъ самый списокъ, по которому Пушкинъ читалъ вслухъ свое произведеніе. Удивительно, какъ твердъ былъ уже тогда его почеркъ и какъ мало онъ измѣнился впоследствии. Это стихотвореніе въ собраніи сочиненій поэта напечатано въ первоначальномъ видѣ, почти безъ всякихъ измѣненій. Только въ предпоследней строкѣ третій стихъ читается въ автографѣ такъ:

„Какъ древнихъ лѣтъ пѣвецъ, какъ лебедь странъ Эллыны“.

Въ позднѣйшей же редакціи:

„Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянскій бардъ дружины“.

Въ той же тетради Державина находится рукописный алфавитный списокъ тогдашнихъ лицейцевъ, а рядомъ съ нимъ печатная «программа открытаго испытанія воспитанникамъ начального курса императорскаго Царскосельскаго Лицея Генваря 4 и 8 дня 1815 г.». Въ первый день предметами испытанія означены: «Законъ Божій, Логика, Географія, Исторія, Нѣмецкій языкъ и нравовученіе»; во второй день: «Латинскій языкъ, Французскій языкъ, Математика, Физика и Россійскій языкъ». По каждому предмету изложены далѣе довольно подробныя программы. Вотъ что входило въ экзаменъ изъ русскаго языка: 1) Разные роды слоговъ и украшенія рѣчи, 2) Краткая литература краснорѣчія въ Россіи, 3) Славянская грамматика, и 4) Чтеніе собственныхъ сочиненій. Программа кончалась слѣдующими строками: «Воспитанники могутъ быть спрашиваемы посѣтителями и профессорами обо всѣхъ вышеозначенныхъ предметахъ. Въ заключеніе показаны будутъ опыты воспитанниковъ въ рисованіи, чистописаніи, фехтованіи и танцованіи». Изъ числа гостей на этомъ экзаменѣ, Иличевскій въ письмѣ къ Фусу называетъ, кромѣ Державина: Горчакова, Саблукова, Салтыкова, Уварова и Филарета. По словамъ графа Корфа, тутъ былъ также министръ просвѣщенія князь Голицынъ; изъ постороннихъ профессоръ онъ упоминаетъ: Лоди, Кукольника, и Плисова; «сверхъ того были, прибавляетъ онъ, родители и родственники нѣко-

торыхъ изъ насъ, была и обыкновенная царскосельская пуб-лика».

Отъ покойнаго Матюшкина я слышалъ, что при поступленіи въ Лицей Пушкинъ довольно плохо писалъ порусски. У Кошанскаго онъ считался по своимъ свѣдѣніямъ 16-мъ, а Матюшкинъ 15-мъ, хотя послѣдній, по собственному сознанию, ужъ конечно въ сущности зналъ языкъ гораздо хуже. Это продолжалось до послѣдняго времени передъ выпускомъ, когда пересаживаніе по успѣхамъ прекратилось. Товарищамъ всегда казалось, что Пушкинъ по развитію какъ будто старше всѣхъ ихъ. Въ поэзіи Илличевскій считался его соперникомъ, такъ что у каждаго изъ нихъ была своя партія приверженцевъ: въ глазахъ нѣкоторыхъ Илличевскій былъ даже выше по таланту, но, какъ мы уже видѣли, самъ онъ сознавалъ неизмѣримое превосходство Пушкина.

Въ Лицеѣ Карамзинъ увидѣлъ Пушкина въ 1816 г., на обратномъ пути изъ Петербурга въ Москву. Карамзина сопровождали два поэта: Вас. Льв. Пушкинъ и князь П. А. Вяземскій, который тогда и познакомился съ даровитымъ юношей. Рассказываютъ, что Карамзинъ, прочитавъ въ Лицеѣ какіе-то стихи Пушкина, сказалъ: «Въ немъ зрѣеть великій поэтъ». По отъѣздѣ гостей нашъ лицеистъ вступилъ въ переписку съ княземъ Вяземскимъ и Василиемъ Львовичемъ. Письмо его къ первому напечатано недавно въ *Русскомъ Архивѣ* (1874, № 1); ко второму написалъ онъ стихотворное посланіе. Отвѣтъ дяди сохранился въ бумагахъ, переданныхъ мнѣ Матюшкинымъ. Вотъ онъ:

Москва. 1816, апрѣля 17.

«Благодарю тебя, мой милый, что ты обо мнѣ вспомнилъ. Письмо твое меня утѣшило, и точно сдѣлало съ праздникомъ. Желанія твои сходны съ моими; я истинно желаю чтобъ *непокойные* стихотворцы оставили насъ въ покоѣ. Это случиться можетъ только послѣ *дождика въ четвергъ*. Я хотѣлъ было отвѣчать на твое письмо стихами, но съ нѣкоторыхъ поръ Муза моя стала очень лѣнива, и ее тормозить надобно чтобъ

вышло что-нибудь путное. Вяземскій тебя любить и писать къ тебѣ будетъ. Николай Михайловичъ въ началѣ мая отправляется въ Царское Село. Люби его, слушайся и почитай. Совѣты такого человѣка послужать къ твоему добру, и можетъ быть къ пользѣ нашей словесности. Мы отъ тебя многого ожидаемъ. — Скажи Ломоносову, * что не похвально забывать своихъ пріятелей; онъ написалъ къ Вяземскому предлинное письмо, а мнѣ и поклона нѣтъ. Скажи однако, что хотя я и не пеняю ему, но люблю его душевно. Что до тебя касается, мнѣ въ любви моей тебя увѣрять не должно. Ты сынъ Сергѣя Львовича и братъ мнѣ по Аполлону. Этого довольно. Прости, другъ сердечной. Будь здоровъ, благополученъ, люби и не забывай меня.

Василій Пушкинъ.

П. П. Вотъ эпиграмма, которую я сдѣлалъ *Яжелбичахъ*.
Сходство съ Шихматовымъ и хромымъ почталіономъ **.

«Шихматовъ! почталіонъ! Какъ не скорбѣть о васъ?

Признаться надобно, что участь ваша злая:

У одного нога хромая,

А у другого хромъ Пегасъ».

Это письмо бросаетъ новый свѣтъ на одно изъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, озаглавленное: *Желаніе* (см. его *Сочиненія* въ первомъ изданіи Исакова, Спб. 1859, т. I, стр. 150). Оказывается, что въ немъ поэтъ обращается къ своему дядѣ вскорѣ послѣ ихъ свиданія въ Царскомъ Селѣ. Сообщенное выше письмо служить отвѣтомъ на это посланіе, и выраженіе Василья Львовича: *непокойные стихотворцы* вызвано слѣдующимъ концомъ посланія:

Да не воскреснутъ отъ забвенья

Покойный господинъ Бобровъ,

* Въ Яжелбичахъ мы нашли почталіона хромого, и Вяземскій мнѣ эту задалъ эпиграмму. (*Прим. В. Л. Пушкина*).

** Сергѣй Ломоносовъ, одинъ изъ товарищей Пушкина, впоследствии бывшій посланникомъ въ Америкѣ, а еще позднѣе въ Голландіи, до Лицея получилъ первоначальное образованіе въ какомъ-то петербургскомъ учебномъ заведеніи вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ.

Хвалы газетчика достойный,
 И Николевъ, поэтъ покойный,
 И *непокойный* графъ Хвостовъ,
 И всѣ, которые на свѣтѣ
 Писали слишкомъ мудрено,
 То есть и хладно и темно,
 Что очень стыдно и грѣшно.

Въ рукахъ моихъ находятся два неизвѣстныхъ до сихъ поръ подлинныя письма А. С. Пушкина къ Гнѣдичу, писанныя изъ Кишинева. Они обязательно переданы мнѣ Л. М. Лобановымъ, котораго отецъ, умершій въ 1846 г. членомъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ, нѣкогда служилъ съ Гнѣдичемъ въ Императорской Публичной библіотекѣ.

Сообщая эти два письма, напередъ замѣчу, что первое изъ нихъ, отъ 24-го марта 1821 г., было писано на другой день послѣ письма поэта къ Дельвигу, которое уже давно напечатано (Сочиненія Пушкина, изд. Анненковымъ, т. I, стр. 81). Какъ это письмо къ Дельвигу, такъ и письмо къ Гнѣдичу начинаются стихами. Пушкинъ въ ту пору любилъ подобныя поэтическія вставки въ «почтовую прозу», бывшія въ обычаѣ еще съ прошлаго вѣка и пущенныя въ ходъ особенно Вольтеромъ. Стихи въ помѣщаемомъ ниже письмѣ, нигдѣ еще не напечатанные, показываютъ между прочимъ, что Пушкинъ тогда уже, т. е. въ мартѣ 1821 г., изучалъ Овидія, а выраженія, приведенныя имъ изъ этого автора во второмъ письмѣ, свидѣтельствуютъ, что нашъ поэтъ читалъ своего любимца не во французскомъ переводѣ, какъ думали нѣкоторые, а въ подлинникѣ.

Извѣстно, что поэма «Русланъ и Людмила» уже послѣ отъѣзда Пушкина на югъ была отпечатана въ Петербургѣ подъ надзоромъ Гнѣдича; но до сихъ поръ не знали, когда и куда именно экземпляръ ея, по выходѣ книги въ свѣтъ, былъ высланъ поэту. Г. Бартенева, въ извѣстномъ трудѣ своемъ (*Пушкинъ въ южной Россіи*, стр. 24), допускаетъ предположеніе, что Пушкинъ еще на Кавказѣ могъ получить это изданіе. Слѣдующее за симъ письмо окончательно разъясняетъ этотъ вопросъ.

Письмо 1.

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
 И хитрымъ Августомъ изгнанный
 Овидій мрачны дни влачилъ;
 Гдѣ элегическую лиру
 Глухому своему кумиру
 Онъ малодушно посвятилъ,
 Далече сѣверной столицы
 Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
 И вольный гласъ моей цѣвницы
 Тревожить сонныхъ Молдаванъ.
 Все тотъ же я какъ былъ и прежде:
 Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
 Съ Орловымъ* спору, мало пью,
 Октавію — въ слѣпой надеждѣ —
 Молебновъ лести не пою,
 И Дружбѣ легкія посланья
 Пишу безъ строгаго старанья.
 Ты, коему судьба дала
 И смѣлый умъ и духъ высокой,
 И важнымъ пѣснямъ обрекла,
 Отрадѣ жизни одинокой;
 О ты, который воскресилъ
 Ахилла призракъ величавый,
 Гомера Музу намъ явилъ,
 И смѣлую пѣвицу славы
 Отъ звонкихъ узъ освободилъ**, —
 Твой гласъ достигъ уединенья,
 Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
 Ханжи и гордаго глупца*** —

* Михаиломъ Федоровичемъ.

** Т. е. эпическія пѣсни Гомера началъ переводить стихами безъ римъ, — экзаметрами.

*** Эти стихи становятся понятнѣе послѣ прочтенія въ брошюрѣ г. Барте-

И вновь онъ оживилъ пѣвца,
 Какъ сладкій голосъ вдохновенья.
 Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
 Твои хвалы мнѣ драгоценны;
 Для Музъ и дружбы живъ поэтъ.
 Его враги ему презрѣнны:
 Онъ Музу битвой площадной
 Не унижаетъ предъ народомъ,
 И поучительной лозой
 Зоила хлещетъ мимоходомъ.

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Ивановичъ, нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи; оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца—благодарю за воспоминаніе, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этого письма—все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша во всемъ что касается до меня. Платье, сшитое по заказу вашему на Руслана и Людмилу прекрасно. И вотъ уже четыре дни какъ печатные стихи, виньета и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго АО; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности*.—Не скоро увижу я васъ; здѣшнія обстоятельства пахнуть долгой, долгою разлукой! Молю Феба и Казанскую Богоматерь, чтобъ возвратился я къ вамъ съ молодостью, воспоминаньями и еще новой поэмой; — та, которую недавно кончилъ, окрещена *Кавказскимъ плынникомъ*. Вы ожидали многое, какъ видно изъ письма вашего — найдете малое, очень малое. Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго

нева „Пушкинъ въ южной Россіи“, разсказа о его отношеніяхъ въ Кишиневѣ (см. стр. 117). То же выражаетъ его маленькая пьеса *Уединеніе*, 1822 года:

Блаженъ кто въ отдаленной сѣни,
 Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
 Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
 Воспоминаній и надеждъ;
 Кому судьба друзей послала;
 Кто скрытъ, по милости Творца,
 Отъ усыпителя глупца,
 Отъ пробудителя нахала.

* Извѣстный уже изъ другихъ болѣе раннихъ изданій вензель АО означалъ Оленина, который сочинялъ виньетку къ поэмѣ.

Бешту видѣлъ я только въ отдаленнѣи ледянныя главы Казбека и Эльбруса.—Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа — я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, — гдѣ возвышаются въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, отрасль послѣдняя Кавказа.—Во всей поэмѣ не болѣе 700 стиховъ—въ скоромъ времени пришлю вамъ ее — дабы сотворили вы съ нею что только будетъ угодно—

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня не забыли—обнимаю друзей—Съ нетерпѣніемъ ожидаю 9 тома Русской Исторіи—Что дѣлаетъ Н. М.? здоровы ли Онъ, жена и дѣти? — Это почтенное семейство ужасно недостаетъ моему сердцу.—Дельвигу пишу въ вашемъ письмѣ—Vale.

Пушкинъ.

1821 марта 24.
Кишиневъ.

Письмо 2.

Второе неизданное письмо къ Гнѣдичу писано почти ровно черезъ годъ послѣ перваго и касается «Кавказскаго плѣнника», котораго изданіе поэтъ опять поручилъ переводчику Илиады. Двѣ строки этого письма, именно тѣ, которыя здѣсь печатаются курсивомъ, были уже извѣстны изъ черноваго отпуска, найденнаго въ бумагахъ поэта г. Анненковымъ и приведеннаго въ его *Materialax* (стр. 97). Любопытно, что продолженіе черноваго письма, тамъ же сообщенное и содержащее оцѣнку новой поэмы, исключено самимъ Пушкинымъ при перепискѣ письма начисто. Вотъ подлинное письмо:

29 апрѣля 1822. Кишиневъ.

Parve (nec invidео) sine me, liber, ibis in urbem,
Neu mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавлю: Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse! *недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ явны что я долго не могъ*

рѣшится ее напечатать. Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказскаго плѣнника: въ награду за присылку прелестной вашей Идилли * (о которой мы поговоримъ на досугѣ) завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія, но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстію, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ, отдаю вамъ въ полное распоряженіе. Vale.

Пушкинъ.

(Письмо на цѣломъ листѣ почтовой бумаги; оно проколото; на оборотѣ надпись: «Николаю Ивановичу Гнѣдичу», безъ адреса, изъ чего видно, что это письмо было вложено въ какое-нибудь другое).

О кавказско-кишиневской эпохѣ жизни и поэзіи Пушкина я имѣлъ недавно случай бесѣдовать съ почтенной Катериной Николаевной Орловой, рожденной Раевской, съ именемъ которой связываются воспоминанія о двухъ знаменитѣйшихъ русскихъ писателяхъ (она по женской линіи правнучка Ломоносова). Большинству читателей конечно извѣстно, что Пушкинъ, возвращаясь съ Кавказа, нашелъ К. Н. Раевскую въ числѣ обитателей крымскаго имѣнія Юрзуфа, и потомъ, въ первыхъ письмахъ изъ Кишинева, говорилъ о ней съ особеннымъ уваженіемъ. Эта замѣчательная женщина сохраняетъ еще и въ глубокой старости всю свѣжесть своего живаго ума, ясность души и привѣтливость общительнаго нрава; она по-прежнему слѣдитъ за литературой, и то, что пишется о Пушкинѣ, не ускользаетъ отъ ея вниманія. Не касаясь нѣкоторыхъ неточностей, замѣченныхъ Катериной Николаевной въ разсказахъ его біографовъ, упомяну только о двухъ любопытныхъ обстоятельствахъ, не совсѣмъ согласныхъ съ ходячими преданіями и еще разъ показывающихъ, какъ иногда «дѣ-

* Идилли *Рыбаки*, напечатанной незадолго передъ тѣмъ въ *Сынъ Отечества*. Вѣроятно, она была прислана Пушкину въ отдѣльномъ оттискѣ.

дается исторія», какъ по канвѣ иногда самыхъ простыхъ случайностей выводятся вполнѣдствіи затѣйливые узоры.

Старшій изъ братьевъ Раевскихъ, пріятелей Пушкина, Александръ Николаевичъ, родился въ 1795 г.; меньшой, Николай, въ 1801-мъ. Александръ страдая отъ раны въ ногѣ, лѣчился на Кавказѣ еще до пріѣзда туда Пушкина съ нѣкоторыми изъ членовъ этого семейства. Александръ тамъ и оставался долѣе прочихъ, и потомъ проѣхалъ прямо въ калужскую деревню, ту самую, гдѣ вполнѣдствіи, въ царствованіе Николая, Катерина Николаевна жила съ мужемъ своимъ, М. Ѳ. Орловымъ. Александръ Раевскій былъ чрезвычайно уменъ, и тогда уже услѣлъ внушить Пушкину такое высокое о себѣ понятіе, что нашъ поэтъ предрекалъ ему блестящую извѣстность. Позднѣе, когда они видались въ Каменкѣ и Одессѣ, Александръ Раевскій, замѣтивъ свое вліяніе на Пушкина, вздумалъ потрунить надъ нимъ и сталъ представлять изъ себя ничѣмъ не довольнаго, разочарованнаго, надъ всѣмъ глумящагося человѣка. Поэтъ поддался искусной мистификаціи, и написалъ своего *Демона*. Раевскій долго оставлялъ его въ заблужденіи, но наконецъ признался въ своей проказѣ, и послѣ они часто и много смѣялись, перечитывая вмѣстѣ это стихотвореніе, объ источникахъ и значеніи котораго вполнѣдствіи такъ много было писано и истощено догадокъ.

Съ меньшимъ братомъ, Николаемъ, Пушкинъ былъ еще болѣе друженъ и считалъ себя ему обязаннымъ за какую-то важную услугу. Они познакомились еще въ Петербургѣ. Николай Раевскій страстно любилъ литературу, музыку, живопись, и самъ писалъ стихи. На обратномъ пути съ Кавказа онъ какъ-то повредилъ себѣ ногу, и это было поводомъ остановки путешественниковъ въ Юрзуфѣ. Катерина Николаевна рѣшительно отвергаетъ недавно напечатанное показаніе, будто Пушкинъ, учился тамъ подъ ея руководствомъ англійскому языку. Ей было въ то время 23 года, а Пушкину 21, и одинъ этотъ возрастъ, по тогдашнимъ строгимъ понятіямъ о приличіи, могъ служить достаточнымъ препятствіемъ къ такому сближенію. По ея словамъ, все дѣло могло состоять развѣ только въ томъ, что Пушкинъ съ помощію Н. Н. Раевского въ Юрзуфѣ на-

чалъ читать Байрона и что когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имѣя лексикона, посылали на верхъ къ Екатеринѣ Николаевнѣ за справкой. Здѣсь же Николай Николаевичъ первый познакомилъ Пушкина съ Шенье.

Ошибаются также, думая, что Пушкинъ изъ Крыма проводилъ своихъ кавказскихъ спутниковъ до кievскаго имѣнія Давыдовыхъ, Каменки. Послѣ посѣщенія Бахчисарая Раевскіе доѣхали съ нимъ только до Симферополя или можетъ быть до Перекопа, и тамъ разстались. Каменка, какъ извѣстно, принадлежала матери Раевскаго, Катеринѣ Николаевнѣ Давыдовой (второй мужъ ея былъ Левъ Денисовичъ Давыдовъ). Тамъ все семейство стѣзжалось обыкновенно къ Екатеринину дню, 24 ноября, а уже въ первыхъ числахъ декабря возвращалось въ Кіевъ. Свадьба старшей дочери, К. Н. Раевской, съ Орловымъ была въ маѣ 1821 г., и Пушкинъ на ней не присутствовалъ, а былъ онъ въ Каменкѣ до того, зимою.

Въ первой изъ своихъ недавнихъ статей о Пушкинѣ П. В. Анненковъ въ примѣчаніи привелъ дословно—не раздѣляемое имъ впрочемъ—мнѣніе о поэтѣ одного изъ товарищей его по Лицею. При всемъ моемъ уваженіи къ авторитету этого лица въ свѣдѣніяхъ о первоначальномъ Лицеѣ и его воспитанникахъ, я позволяю себѣ думать, что въ этомъ взглядѣ есть нѣкоторое недоразумѣніе или невольное преувеличеніе. Конечно молодой Пушкинъ ни дома, ни въ заведеніи не могъ получить строго-нравственной основы, а жгучая страстность и рѣдкое остроуміе значительно усиливали для него обыкновенную мѣру искушеній молодости. Но мы знаемъ какъ высоко, въ минуты особенныхъ возбужденій, было душевное настроеніе Пушкина, знаемъ какъ неутомимо онъ работалъ надъ собою, какъ самъ себя перевоспиталъ размышленіемъ и чтеніемъ. Конечно онъ представляетъ одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ самообразования въ Россіи. Нѣтъ спора, что Пушкинъ въ молодости былъ въ полномъ смыслѣ повѣсою; что онъ нерѣдко предавался влеченію страстей, онъ и для краснаго словца, для острой эпитагмы забывалъ лучшія правила и чувства. Но именно въ такихъ случаяхъ онъ и казался хуже, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ (въ чемъ впрочемъ сознаются и строгіе судьи

его); самимъ же собою онъ являлся тогда, когда выходилъ изъ-подъ вліянія внѣшнихъ соблазновъ. Извѣстно, какъ глубоко онъ, въ позднѣйшіе годы, раскаявался въ легкомысленномъ вожуствѣ, которому принесъ дань въ молодости. Рано убѣдился онъ, что

„Служенье музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво“,

и если все-таки часто измѣнялъ этому взгляду, то причиною была не коренная испорченность сердца, а страстная природа, которая брала свое, вопреки разуму и убѣжденіямъ.

Какъ благородно признаніе, тогда же высказанное имъ, при сравненіи себя съ Дельвигомъ:

„Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизньъ, я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ втиши.“

И сколько чертъ высокаго благородства мы видимъ въ жизни Пушкина! Съ какимъ строгимъ самоосужденіемъ онъ говорилъ о своемъ прошломъ при возвращеніи въ первый разъ послѣ Лицея въ Царское Село, когда онъ сравнилъ себя съ блуднымъ сыномъ. Кто такъ говоритъ, не можетъ не быть искреннимъ; такого настроенія нельзя дать себѣ искусственно; подъ него нельзя поддѣлаться. Если-бъ это не была въ высшей степени благородная душа, какой смыслъ могло бы имѣть вѣрное замѣчаніе г. Анненкова «о заслугахъ Пушкина дѣлу воспитанія благородной мысли и изящнаго чувства въ отечествѣ». Нѣмецкій поэтъ сказалъ, что злые не поютъ. Кажется, можно распространить эту мысль и согласиться, что истинный поэтъ не можетъ быть вполнѣ недобрымъ человѣкомъ. Кто глубоко чувствуетъ и понимаетъ красоту, не можетъ не быть расположеннымъ ко всему доброму. Онъ можетъ падать и низко падать нравственно, но любовь къ прекрасному облегчаетъ ему возможность вставать и снова возвышаться.

Многое въ этомъ отношеніи хорошо понято и ловко выражено г. Анненковымъ. Чтобы отдать полную справедливость нашему поэту, надобно также принять въ соображеніе тѣ умственные и нравственные элементы, среди которыхъ ему приходилось жить:

немногіе умѣли бы дать такой отпоръ, какъ онъ, обществу, окружавшему его, напр. въ Кишиневѣ. Эта среда могла бы окончателно погубить его, еслибъ постоянный умственный трудъ и творчество не укрѣпляли его для борьбы за сохраненіе своего человѣческаго достоинства. На кишиневскій періодъ жизни Пушкина должно смотрѣть какъ на серьезную подготовительную школу для дальнѣйшей быстро разрастающейся въ ширину и глубину дѣятельности его могучаго таланта.

Конечно въ жизни его легко отыскать много заблужденій, слабостей, даже сумасбродствъ; но едва ли кто-нибудь укажетъ въ ней на низкій или противный чести поступокъ. Много приносилъ онъ жертвъ суетности, тщеславію, легкомыслію, но доходилъ ли онъ когда-либо до униженія ради выгоды или успѣха?

Недавно кто-то печатно упрекнулъ Пушкина за бѣдность содержанія изданныхъ въ послѣднее время писемъ его изъ Кишинева. Къ сожалѣнію, критикъ не обратилъ вниманія на прежде извѣстныя письма поэта за ту же эпоху, въ которыхъ давно оцѣненъ важный біографическій матеріалъ; критикъ забылъ также, что во всѣдневныхъ письмахъ и запискахъ, имѣющихъ только минутную цѣль и вовсе не назначаемыхъ для публики, мы никакъ не въ правѣ требовать того, что можетъ быть поучительно для потомства. Дѣло въ томъ, что интересъ такихъ писемъ заключается совсѣмъ не въ положительныхъ фактахъ и не въ важныхъ размышленіяхъ: при видимой бѣдности содержанія они всетаки могутъ быть очень интересны. Съ своей стороны я долженъ признаться, что въ новыхъ письмахъ Пушкина меня часто поражали внезапныя искры ума и остроумія, которыя въ ту эпоху могли принадлежать только человѣку, далеко ее опередившему. Вотъ гдѣ лежала тайна быстрого самоусовершенствованія юноши, говорившаго, что «для существа одареннаго душою нѣтъ другого воспитанія, кромѣ того, которое каждому дается обстоятельствами его жизни и имъ самимъ». (Изъ письма къ Дельвигу 1821 г.).

Я. Гротъ.